

чы дабрачынных арганізацый, у тым ліку і жаночых. Змяшчаюцца шматлікія абвесткі пра дабрачынныя канцэрты і відовішчы, публічныя падзякі жанчынам, якія прымалі актыўны ўдзел у дабрачыннасці. Гэтыя дакументы дазволілі выявіць асноўныя формы жаночай свецкай дабрачыннасці.

Корпус наратыўных крыніц прадстаўлены галоўным чынам апублікаванымі мемуарамі і ўспамінамі як жаночымі [3; 16; 17; 18; 19], так і мужчынскімі [2; 18]. Часцей гэты від крыніц выкарыстоўваўся пры разглядзе адукацыі і грамадска-палітычнай актыўнасці дваранак з канца XVIII да пачатку 30-х гг. XIX ст. Гэта тлумачыцца тым, што да пачатку 30-х гг. XIX ст. такая жаночая актыўнасць мала адлюстроўвалася ў афіцыйных дакументах. У той жа час, наратыўныя дакументы, не будучы аб'ектыўнымі гістарычнымі крыніцамі, выкарыстоўваліся ў спалучэнні з іншымі дакументамі.

Такім чынам, выяўленыя і выкарыстаныя крыніцы дазволілі прасачыць змены ў становішчы жанчын у тых сферах, праз якія дзяржаўная ўлада магла рэгуляваць іх сацыяльна-прававы статус і кантраляваць грамадска-палітычную актыўнасць. У той жа час, устаноўлена, што дакументальныя крыніцы айчынных і замежных архіваў, нават пры адсутнасці асобных фондаў і калекцый, даюць магчымасць: выявіць механізмы рэгулявання сацыяльнага статусу дваранак, паказаць жаночую частку дваранскага саслоўя як аб'ект дзяржаўнага клопату і дзяржаўнай палітыкі, вызначыць формы грамадскай і палітычнай актыўнасці жанчын; паказаць іх як удзельніц сацыяльна-палітычных парцэсаў і падзей.

1. Адзел рукапісаў Расійскай нацыянальнай бібліятэкі. – Фонд 629. Спр. 80.
2. За вольнасць і веру. Ігнацій Клякоўскі і яго ўспаміны аб падзеях паўстання 1830 – 1831 гадоў : на польскай і беларускай мовах / Уклад., перакл., камент. В.В. Гарбачова. – Мінск : Лімарыўс, 2007. – 120 с.
3. Записки графини Потоцкой (1810–1820). – СПб. : В.В. Комаров, 1901. – 34 с.
4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ) у Гродна. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 372.
5. НГАБ у Гродна. – Ф. 1. Воп. 4. Спр. 119.
6. НГАБ у Гродна. – Ф. 1. Воп. 19. Спр. 1627.
7. НГАБ у Гродна. – Ф. 2. Воп. 3. Спр. 1874.
8. НГАБ у Гродна. – Ф. 4. Воп. 1. Спр. 77.
9. НГАБ у Гродна. – Ф. 6. Воп. 1. Спр. 156.
10. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 6159.
11. НГАБ. – Ф. 320. Воп. 1. Спр. 156.
12. НГАБ. – Ф. 320. Воп. 3. Спр. 72.
13. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 1522.
14. НГАБ. – Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 121.
15. Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў. – Ф. 733. Воп. 62. Спр. 143.
16. Шуазель-Гуффе С. де. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе / Вступит, статья А. А. Кизеветтера. – Пер. с франц. З. Мирвич. – М. : К. Ф. Некрасов, 1912. – 275 с.
17. Felińska, E. Pamiętniki z życia Ewy Felińskiej : w 3 t. / Ewa Felińska. – Wilno : Józefa Zawadzkiego, 1856–1858.
18. Frank, J. Pamiętniki d-ra Józefa Franka profesora Uniwersytetu Wileńskiego: w 3 t. / J. Frank. – Wilno : druk Józefa Zawadzkiego, 1913. – T. 2. – 132 s.
19. Puzynina, G. W Wilnie i w dworach litewskich. Pamiętnik z lat 1815–1843 / Wyd. Adam Czartkowski, Henryk Mościcki. – Wilno : drukiem Józefa Zawadzkiego. – Kraków : Krajowa agencja Wydawnicza, 1990. – 389 s.

Посохов С.И.
«АКТОВЫЕ РЕЧИ» ПРОФЕССОРОВ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ПАМЯТНИК КУЛЬТУРЫ

Важной формой саморепрезентации университетов Российской империи стали так называемые «актовые речи», которые регулярно читались профессорами в торжественные для университета дни и которые являлись частью университетских ритуалов, причем, в данном случае, ритуала весьма давнего [5, с. 61]. Эти речи были довольно стереотипными, в них немало «общих мест», некоторые из них не без оснований называются в литературе «панегириками», где «единогласно славились правление и все мудрые учреждения» монарха [16, с. 242]. Возможно, поэтому они не особенно привлекали интерес исследователей. Вместе с тем, нередко именно таким образом ораторы формировали новый взгляд не только на монарха (конечно, «просвещенного»), но и на задачи общества. При внимательном прочтении эти речи дают интересный материал для характеристики процесса утверждения новых культурных ценностей в местной среде [см.: 6]. Эти речи публиковались, и сегодня они значатся среди ценнейших изданий университетских библиотек.

Вполне понятно, что в России впервые такие речи прозвучали в Московском университете. По мнению некоторых авторов в них проявился принципиально новый для России религиозно-философский подход к знанию, отражавший взгляд на науку как на святое, не только «благородное» (то есть достойное внимания высшего сословия), но и богоугодное дело. Не случайно университет часто называли «храмом науки», профессоров «наставниками» и «пастырями», а их речи (особенно русских профессоров) сравнивали с проповедями [13, с. 140, 194]. Впрочем, во многих речах можно обнаружить и сугубо утилитарный взгляд на науку и ее предназначение. Очень четко такую позицию озвучил еще проф. И. Эразмус: «...превосходство наук определять должно по тому, поелику оныя большую или меньшую человеческому роду пользу приносят» [17, с. 4]. В ряде случаев выступавшие акцентировали внимание слушателей на таких актуальных проблемах, как гигиена и санитария, правильное питание (С.Г. Зыбелин, Ф.И. Барсук-Моисеев, Ф. Керестури), предотвращение пожаров, поиск лучшего местоположения городов, которое влияет на «здравие граждан», сохранение лесных угодий (И. Рост), рациональное использование земли (М.И. Афонин) и др. Однако нередко авторы речей говорили «о пользе наук» в широком смысле, подразумевая под этим то, что именно науки и просвещение укрепляют государство и общество («сих столь нужных средств к благосостоянию государства, без просвещения в науках, никак получить невозможно» [7, с. 5]). Тезис об общественном благе вообще характерен для философии Просвещения, причем он нередко понимался как благо следующих поколений, и соответственно, в этом случае упоминалась оценка потомками. Можно согласиться с тем, что «европеизация» высших социальных слоев, формирование их новой культурной идентичности требовали инкорпорации в социальные представления не только европейского прошлого, но и будущего [10, с. 29]. Впрочем, чаще речь шла все же об «опыте» и «истории». Европейский опыт как аргумент в речах профессоров был им необходим для обоснования пользы университета для российского общества. Как отметил в своей речи Х. Чеботарев, «общеспасительная польза, происходящая от наук, ясно доказывается историею всех просвещенных народов во свете...» [14, с. 4].

Университетские профессора беспокоились о том, чтобы их речи стали достоянием как можно большей аудитории. Именно этим было обусловлено решение печатать эти речи (как записано в одном из решений Конференции: «а по напечатании потребное число раздать будущим при том торжестве знатым особам и другим любителям наук...» [3, с. 298]). Речи, произнесенные иностранными профессорами на латыни, французском или немецком языках, часто переводились на русский студентами университета и затем печатались. Сами иностранные профессора проявляли интерес к речам их российских коллег. Так, в протоколе от 25 июня 1768 г. зафиксировано предложение профессора Эразмуса о том, чтобы торжественные речи, произносимые в университете русскими профессорами публиковать в переводе на латинский язык. Свое мнение профессор аргументировал тем, что: «А) не только ученые, проживающие в России, но и недостаточно знающие русский язык, могли их читать, но и, В) что гораздо важнее, весь ученый мир за границей мог судить о достоинствах здешних ученых; С) равным образом, и Университету могла бы произойти немалая польза, если бы некоторое количество экземпляров всегда обменивалось на нужные Университету иностранные книги...» [3, с. 150].

Университеты, возникшие в начале XIX в., продолжили начинания Московского университета. Выступления с речами на торжественном акте в университете с этого времени стали частью культурной жизни российской провинции. Такие речи имели значение и для развития науки. Как отметил В.С. Иконников, в то время «собственно ими [речами. – С.П.] и переводами руководств поддерживалась ученая деятельность университета [4, с. 511].

Безусловно, этот союз науки и просвещения зависел также и от уровня местной публики, ее возможностей воспринимать это «слово науки». Не случайно в своем письме министру просвещения первый попечитель Харьковского учебного округа С.О. Потоцкий заметил, что говорил свою речь «по просьбе профессоров и сообразуясь с настроением местных жителей, а с ними нужно быть крайне осторожными, чтобы не отвратить их от наук, которых они и так недолюбливают» [цит. по: 12, с. 114].

Только за первое десятилетие после основания Харьковского университета было произнесено 43 «торжественные речи» [9, с. 26]. Профессора-иностранцы в первое десятилетие сущест-

вованя университета составляли почти 60 % его преподавателей*, и количество их «речей» велико. За первое десятилетие таковых насчитывается 18. Безусловное лидерство при этом принадлежит немецким ученым. Среди авторов встречаем таких видных ученых как К. Якоб, Х. Роммель, И. Шад.

«Речи» публиковались в Харьковском университете с 1806 г., в Казанском – с 1814 г. Продолжали публиковаться речи московских профессоров. В начале XIX в., как свидетельствуют данные о деятельности университетской типографии, тираж этих изданий составлял 330–450 экз. [1, с. 410]. Издавались такие «Речи» вплоть до начала 1860-х годов. Частично они распространялись по подписке, частично рассылались даром (например, почетным членам) [1, с. 661] и становились доступными образованной части общества. Попадали они и к студентам. Известно, например, что среди книг погибшего студента Ваценкова были и «Актовые речи» [1, с. 879]. Как правило, в одном сборнике публиковалось несколько «речей». Оценивая роль такой литературы, Д.И. Багaley отмечал: «...все эти речи печатались от имени и на счет университета в особых сборниках и отдельными оттисками; и сами авторы, и местное общество, для которого они главным образом предназначались, придавали им важное значение. Ораторская форма была в большом ходу; публика привыкла к ней, ценила ее; сочинители же таким образом удобнее всего могли беседовать с обществом, проводить свои идеи, оказывать известное влияние на окружающую среду...» [1, с. 619–620].

При всей внешней напыщенности и риторичности речей важно заметить, что ораторы громко заявили о разуме как основе познания. Собственно тем самым в сознании людей утверждалась возможность рационального познания истины. Как писал И. Шад, «в сем расположении следовать внушениям разума состоит все достоинство человека» [15, с. 41]. Более того, по его мнению «искание истины и добродетели никакими не ограждено пределами» [15, с. 46]. Такие размышления светских лиц о человеке и его предназначении, очевидно, в местной (особенно провинциальной) среде поначалу воспринимались как откровение. Заметим, что при этом «размышления» трактовались как «спутник радости», как «удовольствие» [20, с. 15–16]. Как отметил Л. Яновский, «они не только были новыми, но их еще следовало постоянно повторять, учитывая общую инертность и нежелание образования в обществе» [18, с. 113]. Процесс понимания осложнялся языковым барьером и общим недоверием к иностранцам, особенно усилившимся в период войны 1812 г.

Неудивительно, что эти речи по-разному воспринимались не только публикой, но и другими профессорами. Так, проф. И. Шад писал о ситуации, которая возникла по поводу его речи 1814 г. «О возвращении Европе свободы»: «В оном собрании, вместе с прочими посетителями, были и харьковския ученые священники грекороссийскаго исповедания, которые, в засвидетельствование своего отличнейшаго одобрения, утверждали, что никакой епископ не мог бы говорить и в богослужении с большим достоинством, нежели как я о сем предмете и... просили доставить им 200 экземпляров сей речи с тем, дабы воспитанники епархиальнаго коллегіума, могли иметь ее, как для чистоты латинскаго языка, так и для самого ея содержания. Но, не взирая на сие, французский профессор осмелился, еще при чтении... речи, открыть тревогу и шум, в слух ругать меня поноснейшими именами, и даже требовать от ректора университета, чтоб стащили меня с кафедры. Я был точно в таком положении, как бы я находился в Парижском Национальном Конвенте. Но я, не приходя от сего в замешательство, ...продолжал речь мою, с надлежащим приличием и выразительностию» [8, л. 160 об.].

В ходе общения профессоров и местной публики слушатели (читатели) настраивались на то, что их мнение небезынтересно университетским ученым. Как отмечал Леопольд Умляуф, «ведь как всегда считали, молва и слава, хорошая оценка современников и потомков является не только мощнейшим стимулом к немалым трудам, которые необходимо брать на себя в изучении наук, но и значительной и прекраснейшей частью награды преподавателей» [20, с. 17]. К слову, со временем, публика не только привыкла к «речам», но и реагировала на них тем или иным способом. Так, Рейт в послесловии к одной из речей отметил, что после своего выступления получил «в качестве дружественного послания» некоторые книги [19, с. 63].

Заметим, что в выступлениях иностранных профессоров неизменно утверждалась значимость университетской идеи. Схожесть во взглядах многих иностранных профессоров – авто-

---

* В следующее десятилетие их доля составила 23%.

ров «речей» была обусловлена общими мировоззренческими основами. Было бы неверно считать, что мнение иностранных профессоров сразу же было безоговорочно принято, оно лишь прозвучало и, безусловно, было замечено. Анализируя содержание речей отечественных профессоров, можно заметить, как в них постепенно происходило утверждение ценности труда ученого и преподавателя. Так, если в речи П. Сохацкого (1805 г.) еще нет упоминания об «учебной деятельности» как перспективе для воспитанников университета [11, с. 91], то уже в речах В. Перевошикова, а затем И. Эрдмана, прозвучавших в Казани соответственно в 1814 г. и 1815 г. дается обоснование такого рода общепользительной деятельности.

Таким образом, уже на начальном этапе истории российских университетов можно наблюдать возрастание их влияния на местное общество. Это влияние охватывало широкое социальное пространство и способствовало трансформациям культурного ландшафта. Свою важную роль в этом процессе сыграли «актовые речи» университетских профессоров.

1. Багалей, Д. И. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам). Ч. 1. (1802 – 1815 гг.) / Д. И. Багалей // Багалей Д. И. Выбрани твори : у 6 т. – Х. : Вид-во НУА, 2004. – Т. 3. – 1152 с.
2. Багалей, Д. И. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905) / Д. И. Багалей, Н. Ф. Сумцов, В. П. Бузескул. – Харьков, 1906. – 329 с.
3. Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Т. 3. 1767 – 1786. – М. : Изд-во МГУ, 1963. – 518 с.
4. Иконников, В. С. Русские университеты в связи с ходом общественного образования / В. С. Иконников // Вестник Европы. – 1876. – № 10. – С. 492–547.
5. Липатникова, Г. И. Эталоны поведения студентов Карлова университета / Г. И. Липатникова // Из истории университетов Европы 13–15 вв. – Воронеж, 1984. – С. 60–79.
6. Посохов, С. И. Актовые речи профессоров-иностранцев Харьковского университета первой четверти XIX в.: трансфер университетской идеи / С. И. Посохов // Вопросы образования. – 2008. – № 3. – С. 240–263.
7. Рейхель, И. Г. Слово, говоренное... о том, что науки и искусства процветают защищением и покровительством владеющих особ и великих людей в государстве / И. Г. Рейхель ; перевел Денис фон Визин. – [Москва] : Печ. при Имп. Моск. ун-те, [1762]. – 4 с.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 733. Оп. 49. Д. 276а.
9. Рославский-Петровский, А. П. Об ученой деятельности Императорского Харьковского университета в первое десятилетие его существования / А. П. Рославский-Петровский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1855. – Т. 87. – №7. – Отд. 5. – С. 1–36.
10. Сабурова, Т. А. «Горизонты ожиданий» русских интеллигентов первой половины XIX в. / Т. А. Сабурова // Диалог со временем. – 2008. – Вып. 25/2. – С. 23–37.
11. Сохацкий, П. Торжественное слово на полувековой юбилей Московского университета / П. Сохацкий // Речи, произнесенные в торжественных собраниях имп. Моск. ун-та. – 1805. – С. 68–96.
12. Сухомлинов, М. И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I / М. И. Сухомлинов // Журнал Министерства народного просвещения. – 1865. – Ч. 128. – Окт. – отд. 2. – С. 9–172.
13. Университет для России : в 2 т. [Т.1]. – М. : Русское слово, 1997. – 352 с.
14. Чеботарев, Х. Слово о способах и путях, ведущих к просвещению / Х. Чеботарев. – [Москва] : Универ. тип., [1779]. – 28 с.
15. Шад, И. О верховной цели человека / И. Шад // Речи, говоренные в торжественном собрании имп. Харьк. ун-та. – Х., 1807. – С. 1–28.
16. Шевырев, С. П. История Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. – Репринтное издание / С. П. Шевырев. – М. : Изд-во Моск ун-та, 1998. – 600 с.
17. Эразмус, И. Ф. Слово ... о противностях анатомического учения увеселением и превеликою онаго пользою несравненно превышаемых : переведено с латинского / И. Ф. Эразмус. – [Москва] : Печ. при Имп. Моск. ун-те, [1765]. – 17 с.
18. Яновський, Л. Харківський університет на початку свого існування (1805–1820) / Л. Яновський. – Харків : Майдан, 2004. – 508 с.
19. Reith Geist der literarischen culture des Orients und Occidens // Речи, говоренные в торжественном собрании имп. Харьк. ун-та. – Харьков, 1812. – С. 53–63.
20. Umlauf L. De arrogantia in literis // Речи, говоренные в торжественном собрании имп. Харьк. ун-та. – Харьков, 1806. – С. 15–22.

Емельянова А.В.

МЕМУАРЫ О РОЛИ ДОМАШНЕГО ЧТЕНИЯ В ВОСПИТАНИИ ДВОРЯНСКИХ ДЕТЕЙ В РОССИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII в.

Сюжеты, связанные с детским чтением, нашли свое отражение на страницах многих мемуаров XVIII в. Наиболее ярко данная тематика представлена в мемуарах, посвященных событиям последней трети XVIII в., что было обусловлено увеличением выпуска светских художественных книг.

Почти во всех дворянских семьях обучение детей чтению начиналось по церковным книгам. Так, генерал сенатор Я.О. Отрощенко (1779–1862), родившийся в местечке Кобыщы Киевской губернии в семье отставного поручика малороссийского казачьего полка, сообщает, что до 14 лет «Жития святых отцов, Апостол, пророчества и Евангелие были те книги, из которых я черпал понятия о духовной жизни» [8, с. 4]. Он познакомился с книгами гражданской печати благодаря соседу, имевшему небольшую библиотеку: «Он полюбил меня, и дал для прочтения историческое описание о разорении Иерусалима и о взятии турками Константинополя. От него же я